

Елена БУЕВИЧ

КЕРМЕК И НЕЗАБУДКИ

Где инкерманская гора
ровна, как в идеале,
и мы бродили не вчера
и пастуха видали.

Он был монахом и внизу,
среди кустов кермека,
ловил заблудшую козу,
как будто человека.

И долго мы стояли там,
а может, и поныне
стоим, дивясь открытой нам
евангельской картине.

Нам слышно море вдалеке,
и ты еще со мною,
и поезд катит налегке
под белую скалою.

И теплый ветер на убой
несет его погудки.
А что забыли мы с тобой, —
то помнят незабудки.

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ, ЕВПАТОРИЯ (1916)

Остаться в Евпатории — за год, на волоске,
и пусть бы дети строили свой замок на песке,

и поезд пусть от станции скорее отойдет:
здесь белые акации, здесь дел неупорот.

Елена Ивановна Бувевич родилась в г. Смела Черкасской области. Окончила Черкасское музыкальное училище им. С. С. Гулака-Артемовского и Московский литературный институт им. А. М. Горького. Стихи и переводы публиковались в журналах, альманахах и книгах Украины, России, Белоруссии, Сербии. Лауреат IV Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» («Золотой диплом» за сборник стихотворений «Елица»), обладатель диплома Международной Бунинской премии 2017 года «За поэтическое мастерство и сохранение русского языка в Украине», дипломант VI Международного литературного Волошинского конкурса в номинации «Перевод стихотворения современного автора с украинского языка», обладатель «Специальной похвалы» III конкурса «Стихотворения Андричграду 2017», Республика Сербская, Босния и Герцеговина. Живет в г. Черкасы.

Для дачников Дувановых — и чай, и баклава,
под вечер, за туманом, их едва слышны слова.

А утром за купальнями наследник и княжны
за волнами трехбалльными следят, пощажены.

Отсюда до Ливадии — всего полдня пути,
а в мертвом Петрограде и Москве — их не найти.

Но сроков — не отмерено, чтоб спрятались они
за темным, горьким деревом в дюльберовской тени.

Все кажется, на море и беду легко избыть:
остаться в Евпатории — равно что живу быть.

* * *

Как же долго идет Рождество!
Сотни дел предваряют его,
сотни снов в забытии, сотни встреч,
сотни страхов, зависших, как меч...

Но пока ты живешь как-нибудь,
три царя отправляются в путь.

Центр Вселенной смещается в хлев,
сторожит Его кот, аки лев,
добрый ослик мечтает над Ним:
«Повезу Тебя в Ерусалим!»

И в языках растет торжество:
Кристмас, Божич, Риздво, Рождество!

CON TU MIRAR (танго-вальс)¹

Это действует время,
которого, в общем-то, нет, —
замираешь вдруг, внемля:
что тебе говорит *этот* свет?

Знак ли эта картина:
с двух сторон календарь стенной?
На одной — Аргентина,
Швейцария² — на другой.

¹ Вальс Энрике Родригеса.

² Страна, где легализована эвтаназия.

На одной все портенью,
тангеросы и фокстрот,
на другой — ты гортанью
грабастаешь кислород.

Ах, когда бы так статья,
чтобы это было одно —
эвтаназия с танцем.
И чтоб разрешено!

И тогда в путь неблизкий
поведут тебя на поклон
Иоанн Сан-Францисский
и Матронушка, и Спиридон.

У дороги там чибис,
угол дома, деревья, бар.
И играет Родригес
свой отрывистый «Con tu mirar».

* * *

Сколько ни гони,
старость проберется
свернется жилеткой в шкафу
между столетними
веничками лаванды
из Крыма, бывшего нашим
жилетка это так удобно

А то подсунет корвалол:
пусть стоит на полочке,
рядом с медовым Герленом
чтобы не ходить на кухню
откроешь дверцу
накапаешь в рюмочку
и спать

Ты еще против
грозишь устроить пробежку
вот сейчас, только давление
станет нормальным
или сделать планку
активировать обруч
выбросить старую хэбэшку
спать в шелку и на шелках

Обнимать во сне
несуществующего мужа
а не сворачиваться в страхе
сейчас убьют
глухо шарахнут по сердцу
взорвут сосуды
или незаметно остановят
дыхание

Спасибо
здесь было тяжело горько
но иногда красиво
особенно вначале
а теперь откройте
зачем

* * *

Как душно жить, как страшно в неизбежной
рогожке бедной, завернувшись, лечь
и смерть принять, не зная, что наступит
тот славный год, когда родит Мария.
О сколько их — и в муках, и во сне —
глаза закрыли, в ужасе прощаясь
с прекрасным миром! А Христос все шел,
все приближался... Нам ведь повезло?
Какое небывалое везенье —
явиться вдруг, когда уже известно,
что смерти нет и все, что так пугает —
иллюзия, а лучшее — потом.

НАПЕВ И КАМЕНЬ

Умирают легенды, забываются мифы,
исчезают напевы сладчайшие, лучшие,
мировые сюжеты — Орфеи, Сизифы —
единичные случаи.

Будто все поразил неизвестный недуг,
навалилась усталость, и это не лечится,
будто тихо прощается все человечество
с человечеством, друг.

Но покуда невидим, но непререкаем,
в небесах нависает обещанный Сад,
мы с тобой напеваем и камень толкаем,
озираясь назад.